

The background of the cover is a dark, starry night sky with a prominent band of light, likely the Milky Way, stretching across the frame. At the bottom, a silhouette of a person stands on a dark rock or ledge, looking up at the stars. The overall mood is contemplative and vast.

Алексей Грашин

**ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ В ПУТЬ
НА ЛОДКЕ ЗАКАТА**

16+

Алексей Грашин
Отправляющимся в
путь на лодке заката

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65985661

SelfPub; 2021

Аннотация

Если твой храм сожжён, его служители убиты, а злое колдовство побеждает, иди же, юноша, путём богов, даже если ты простой писец.

По мотивам сказаний и мифов Древнего Египта.

Алексей Грашин

Отправляющимся в путь на лодке заката

В двенадцатый год правления фараона, да будет он здоров и благословен, в четвёртый день первого месяца *ахет*, сезона разлива, Амено, сын Амени, ученик писца и сын писца, чьи руки чисты, прятался в тростниках до рассвета. Солёные слёзы текли из его глаз, смыв благородную чёрную подводу и смешиваясь со священными водами Реки, но он не всхлипнул ни единожды, оставив проявления горя дневным богам. Хоть высота скудного разлива составила в этом году всего полтора локтя, воды, истекающие на дальнем юге от ног Осириса, надёжно укрыли его от чужих недобрых взоров и лишь печальная песнь речной цапли вторила затихающим крикам страха и боли на берегу.

Когда унялось злое колдовство и порождения ночи улеглись в песок, Амено, весь искусанный, держа в руке сандали и почёсываясь, выбрался из чёрной грязи. Ночь он простоял на цыпочках в иле и глине, смотря на мечущиеся тени у стен Храма и на горящий *Шедет*, город Крокодила и молясь богу Себеку-Крокодилу, Отцу богов Осирису, богу Солнцу-Ра и защитнице справедливости богине Маат, остерегаясь упоминать лишь имя кошки-Баст, проявившей под-

лость и коварство в своей худшей ипостаси. Если на берегу слышались шаги, Амено нырял в ил, дыша через соломинку. Этой хитрости давным-давно научил его отец, переживший в детстве опустошительные набеги кочевников из земли **Та-Дешрет**, Красной пустыни.

Чары всегда слабеют с первыми лучами солнца, когда золотая ладья Ра начинает свой путь по небесной реке. Знающему простую истину ученику оставалось лишь надёжно укрыться до часа ласточки, и где это было делать, как не в мокрой противной грязи, кишашей насекомыми и пиявками. Не каждый жестокосердный взиматель податей погнал бы сюда должников, дабы насладиться их страданиями, и уж точно большие кошки не полезли бы мокнуть во владения Крокодила. Тяжёлые лапы два раза проскрипели по песку выше линии воды, но заросли папируса их не влекли.

Под утро, в серых рассветных сумерках Амено почти уже сморил сон. Он мог захлебнуться жидкой грязью или шумно забарахтаться, выдав себя. В этот миг слуга Себека скользнул мимо ученика писца, задев его голову твёрдым чешуйчатый хвостом, и сон с Амено сняло как рукой.

Он оторвал с тела последнюю пиявку, обошёл еле видимые холмики песка, скрывшие **ушебти** могучей Сехмет и вошёл в город.

Славный Шедет, дом бога Себека, столица **нома Икер**, погиб. Львица напала из засады, расправившись с людьми Крокодила.

Шумные и оживлённые обычно улицы пустовали. Вернее, людей на них хватало, но... Из дверных проёмов вверх тянулись языки копоти. Большие кошки, хотя нет, поправил себя Амено – скорее, их сообщники, прятавшиеся в городе, подожгли пристани и верфь, а ушебти Сехмет, богини-львицы, её «*семь молний*», в это время убивали горожан и жрецов Храма, не разбирая, кто перед ними – воин, раб или знатный человек, разрывая их на части клыками, терзая когтями. Всё случилось вечером праздника *Унет ренепет*, «Открытия года», перед которым люди даже успели обменяться картинками и фигурками Баст милосердной, надеясь на её защиту.

Не защитила.

Амено не пошёл к дому своей семьи, ибо у сироты один дом – Дом жизни при Храме. Там, где сыну умершего на службе фараона писца дадут смысл и цель его. Но сначала следовало омыться. Он зачерпнул бадьёй воды из колодца, напился и, сняв льняную повязку с бедёр и отмыв её, принялся оттирать ночную грязь со смуглой кожи. Кровоточащие места укусов пиявок Амено чистил особенно тщательно. Отцовский браслет с Оком Уаджет защищал его от укусов змей и скорпионов пустыни, но не от зловредной кровососущей речной мелочи. Напоследок он вымыл и свои короткие чёрные волосы, сбившиеся от грязи в спутанный колтун.

Утренние лучи Солнца уже прогрели воздух, но именно сейчас Амено начала бить крупная дрожь. Стараясь смот-

реть поверх мертвецов, устилавших его путь, нагих или едва прикрытых тканью тел с вырванным горлом, объединенными лицами, людей, пожранных заживо или разорванных пополам, он направил свои стопы к Храму Себека, из-за которого в голубое небо до сих пор поднимался столп жирного чёрного дыма.

Это купцы из *нома Имет хентет*, города Пер Бастет, исконных владений Сехмет, понял Амено. Это они, как шакалы, пришли на их праздник по вади из пустыни и принесли в мешках, навьюченных на мулов, сотни ушебти, а один или несколько из них были жрецами тайного храма львицы в Харге. Ночью они выкрикнули злые, страшные слова во тьму и подняли ушебти, загодя спрятанных в песке вокруг города и Храма. Небольшие фигурки из глины превратились в чудищ ростом в шесть локтей, с телами женщин и головами львиц. Это неувидительно, чародеи Себека тоже могут превратить восковую фигурку крокодила в Хозяина вод, способного пожрать человека целиком. Вернее, раньше могли...

Не думай об этом, говорил себе Амено, шагая. Думай о деле. Будь писцом, будь рассудительным и твёрдым в намерениях, слуга фараона!

Он наступил в лужу чужой крови, чуть не поскользнулся, но отвернул взгляд и не уязвил сердце своё созерцанием деяния зла.

Успокойся! Вспомни Книгу!

Сделайся писцом!

Гласит *Книга писца*:

«Ты освобождён от повинностей, ты охранён от всяких работ, ты удалён от мотыги и кирки. Ты не будешь носить корзину, избавит это тебя от доли гребущего веслом. Ты удалён от тягот. Ты не будешь под многими господами, под многочисленными начальниками. Из всех дел и обязанностей – писец первый.

*Писец – это тот, кто облагает Верхний и Нижний **Та-Кемет**; ты – тот, кто получает от них. Ты – тот, кто повелевает всей земле целиком; все ценности под началом твоим.*

Сделайся писцом! Гладки твои члены, и станут руки мягкими. Когда ты выходишь, ты разодет, тебя возвеличивают, тебя вопрошают придворные. Когда ищут умелого – находят тебя. Сам рассуди, могут ли сравниться с искусством писца все прочие занятия и ремёсла.

Прачечник стирает на берегу рядом с крокодилом. Неспкойное это занятие! Схватит его крокодил, и останется семья без кормильца.

Воин приходит без посоха и сандалий, и он не знает, жив он или мёртв из-за дикого льва. Противник прячется в траве, враг готов к сражению, и воин идёт, взывая к своему богу: «Приди ко мне, спаси меня!..»

Когда хлебопёк стоит, и печёт, и ставит хлеба в огонь, то его голова внутри отверстия печи. Его сын держит его ноги, но если однажды он выскользнет из рук своего сына,

то он падает в печь.

Меж тем причалил писец к берегу. Он распределяет урожай. Привратники следуют за ним с палками, а нубийцы – с прутьями. Они говорят земледельцу: «Поддай зерно!», а его нет. Бьют они его яростно. Он связан и брошен в колодезь. Он захлёбывается, будучи погружён в воду вниз головой. Его жена связана перед ним, и его дети в оковах. Его соседи покинули их.

Если у тебя есть разум, будь писцом. Ведь ты осведомлён об участи земледельца. Знаешь ты это!

Прекрати бездельничать и будь усерден! Вставай на своё место! Книги уже лежат перед твоими товарищами. Возьми своё платье и позаботься о своих сандалиях. Читай прилежно книгу. Не проводи дня праздно, иначе горе твоему телу!»

Так гласит Книга и наставление, так сказано, было и будет испокон века.

Уже дыхание юноши стало успокаиваться, и дрожь не так сотрясала тощее тело, но новая мысль пронзила сердце:

Где твои товарищи, Амено?

Где они, пред своими книгами ли? Лежат ли на свитках, выронив **каламы** для письма из холодных пальцев, мёртвые, как и все, кого ты знал в жизни своей? Лишь ты, недостойный, спасся: избежал гибели, покинув братьев своих в час беды ради предвкушения любовной игры на циновке у воды в час шакала!

Где Ахати, дочь ткачихи, что ждала тебя? Пожрана львами. Лишь ты, недостойный, устремился во тьму речных тростников, нырнул в зловонный ил с головой, давя в себе панический вопль, и тем остался невредим!

Захлебнувшись рыданиями, Амено кинулся бегом.

Пер анх, храмовый Дом жизни, в котором будущих слушателей Себека искусные в своём деле учителя наставляли на путях чтения, письма, ритуалов поклонения божеству и магических обрядов, выгорел вместе с остальным городом и чернел впереди в мрачном безмолвии. Не слышны были у стен Храма и крики играющих детей, в которых набожные горожане, прислушиваясь, порой прозревали своё будущее. Дети с их родителями лежали на улицах и в домах тихи, печальны и мертвы – осквернённые, непогребённые, без надежды на загробную жизнь, если только кто-то не придёт и не упокоит их, как должно – все три с половиной тысячи жителей большого города, убиты злой волей врага. Лишь горячий ветер пустыни, поднявшийся с наступлением дня, завывал в переулках и бросался горстями песка на открытых пространствах.

Только сейчас Амено сообразил, что в опустевшем городе топот его сандалий и громкий плач разносятся на много десятков локтей, а учинившие бойню злодеи, скорее всего, ещё здесь – может, улеглись спать, довольные сотворённым ужасом, а может, бродят по домам богачей, срывая с мертвецов украшения и драгоценности. Он сбавил шаг и зажал

себе рот ладонью, стараясь ступать осторожно и тихо.

Лишь на миг он заглянул в спальню учеников, отшатнулся, перешагнул через тело старшего писца, перегородившее проход, и спустился по нескольким ступеням в кладовую.

Вчерашние лепёшки лежали в корзине сразу у входа, и Амено схватил одну, отрывая зубами большие куски, а другой рукой зачерпнул горсть сушёных фиников, и тут в дальнем углу кладовой, среди ларей с просом и мешков муки кто-то чихнул. В смятении Амено повернулся, готовый бежать прочь, но споткнулся и упал, а из-за мешков полез маленький демон-мертвец, весь белый, голый, с чёрными страшными глазами и жадным красным ртом.

Демон снова чихнул, шагнул к юноше и сказал голосом алтарного служки карлика Панесхи:

– Слава Себеку, ты тоже укрылся от злодеев, Амено! Многие ли слуги Храма выжили в резне?

Злой на себя, что испугался глупого Панесхи, Амено дотянулся и пнул карлика ногой, да так, что с того осыпалась почти вся мука и он снова стал похож на человека, только мелкорослого.

– Ты что, всю ночь тут сидел? – зашипел ученик писца. – Ничего не знаешь! Всех убили, всех, дурак!

Панесхи не обиделся и не занял, как обычно, но помог Амено подняться и сунул ему в руку рассыпанные финики.

– Надо посмотреть, что в Храме, – насупился Амено, и карлик послушно последовал за ним, горестно тряся косицей

на выбритой макушке при виде многочисленных смертей и поджогов.

Вдвоём они обошли Храм по широкой дуге, дабы узнать, что же горит за ним. Предчувствия не обманули Амено – прислужники Сехмет свалили ночью в кучу и подожгли мумии храмовых крокодилов, совершив великое святотатство. Панесхи запричитал и принялся бегать вокруг костра, но облитые земляным маслом мумии горели всё ещё жарко и чадно, не давая приблизиться ближе, чем на пять локтей, а дым ел глаза и саднил горло. Амено шикнул на карлика и они вдоль закатной стены Храма пробрались ко главному входу.

Жрецы и храмовая стража пытались дать отпор, но порождения тьмы застали их врасплох, как и остальных жителей Шедета. Амено вновь убедился, что нападение подготовили заранее – похоже было, что чудища напали одновременно со всех сторон, убивая всех без разбора.

Известняковые плиты Храма пока хранили ночную прохладу. Амено и карлик, уже не таясь – никакой злодей не будет ночевать в храме, который он осквернил, ибо разгневанный бог может отомстить – прошли внутрь. Юноша крутил головой: тела Ремнемнатха, верховного жреца Себека, нигде не было видно, а раз спаслись они с Панесхи, могли спастись и другие.

Проход в жертвенный зал и внутренние покои Храма лежал через бассейн с десятком крокодилов. Жрецы переходили его по узкому мостку, погружённому в воду на глубину

двух ладоней, а слуги Себека в это время разевали из воды зубастые пасти, задевая жрецов и служек когтистыми лапами. Такой охраны, вместе со стражей, хватило бы от любых непрошенных гостей, но не от вчерашней злобной ворожбы.

Теперь же крокодилы плавали вверх брюхом, животы их были распороты и кишки лениво колыхались в помутневшей воде бассейна, будто серые мясистые водоросли. Панесхи вновь визгливо заголосил, уже начиная надоедать Амено, тогда юноша схватил *бехе* – золочёный храмовый жезл с шипом на конце, и пару раз стукнул карлика по тупой голове, заставив заткнуться.

Они ступили на мостик, скрытый водой и убитыми крокодилами, и тут вода взволновалась. Вопли карлика всё-таки вызвали к жизни кого-то из слуг Себека. Амено уже приготовился остаться без ноги, зная стремительность храмовых священных животных, а карлик так и вовсе свалился в воду, но из-под тяжёлых туш показалась лишь лысая голова и круглые глаза кого-то из молодых жрецов. Ему посчастливилось обмануть внимание ушебти, нырнув на дно бассейна, а потом засунуть голову в разорванное брюхо одной из рептилий и дышать через её приоткрытую пасть.

– Хори! – отфыркиваясь, Панесхи выбрался из воды и протянул руку младшему жрецу, в то время, как Амено так и застыл изваянием, парализованный страхом с бехе в руках. Но почти тут же юноша справился с собой – в конце концов, он единственный видел картину гибели Шедета, когда эти

двое прятались кто в муке, кто в крокодильих кишках.

– Жив ли верховный жрец Ремнемнатх, да будет благо-
словенно его имя? – придав голосу достаточно надменности,
спросил Амено, ученик писца. Раньше он ни за что не от-
важился бы обратиться так к младшему жрецу; хотя жрец,
трусливо спрятавшийся, когда старшие гибли в безнадёж-
ной, но самоотверженной битве за Храм, возможно, заслу-
живал такого обращения. Он был похож на лягушку, этот на-
гой дрожащий мальчишка года на два моложе Амено, с по-
ристой от воды кожей и сморщенными ладонями и ступня-
ми.

– Верховный жрец погиб у алтаря, – гнусаво ответил он. –
Нам следует погребсти его, как подобает.

Амено двинулся дальше по мостику, и этот Хори сделал
движение, словно хотел схватить его за руку.

– Туда можно лишь посвящённым! – воскликнул он. Кар-
лик Панесхи нерешительно посмотрел на Амено. Но ученик
писца погрозил мальчишке золотым шипом на конце бехе.

– Следуй за мной, Хори, младший жрец! – сказал он по-
велеительно и прошёл вовнутрь. Следовало быть твёрдым.

Уже притерпевшись к запаху крови и виду безжизненных
тел, Амено сгрёб алтарные свитки в холщовую суму с изоб-
ражением крокодила. Ремнемнатх с изодранной спиной и
вправду лежал у алтаря, словно закрывая жертвенник своим
телом.

– Пойдёмте! – скомандовал Амено и все трое живых поки-

нули Храм. По пути Хори подобрал кусок льна, обмотав его вокруг бедёр, и быстрым движением сунул что-то в складки ткани.

Похоже было, что зачинщики бойни с рассветом схоронились где-то в укромном месте, предаваясь сну, отдыхая, прежде чем вечером снова оживить своих слуг и закончить начатое.

– Надо покинуть сие пепелище, – сказал Амено, с тревогой вглядываясь в улицу впереди. Теперь ему мерещились тени, таящиеся среди убитых и за занавесями в проёмах дверей. – Кровь убитых оскверняет священную землю. А ночью мы станем кормом для львов.

– Можешь не говорить так высокопарно, – буркнул младший жрец.

– Я не раб и не простолюдин, чтобы пользоваться низкой речью, – отрезал Амено и поглядел на Панесхи: понял ли тот, что Хори сейчас попытался перехватить главенство в их маленьком отряде? – Земля отравлена и гнев богов неминуем. Вопрос только в том, падёт ли он на наши головы, или на чьи-то ещё.

– Надобно погребсти убитых, – снова попытался протестовать Хори.

– Ты кто, пять бальзамировщиков? – насмешливо спросил Амено. – Все *потрошители* мертвы, и *уту*, и *херихебы*, и все плакальщицы тоже мертвы. Как ты собрался погребать жрецов? Или ты замахиваешься сразу похоронить весь го-

род? Здесь поможет только прибытие войска фараона, глупец!

– А как мы уйдём из города? – ловко перехватил тему карлик.

– Нужна лодка, – нахмурился юноша. – Ушебти догонят нас ночью и на дороге, и в пустыне. А в воду им пути нет. Пойдёмте к пристани.

Солнечная ладья *Манеджет* вошла в силу, напекала им головы, и они старались держаться в тени домов. Обгорелые связки тростника бывшей пристани уже были видны, когда все трое вдруг услышали горестные крики с главной площади. Не сговариваясь, они повернули туда.

Возле изукрашенной колесницы гонца наместника топтались возничий и разодетый вельможа, по всему – гонец. Возница стонал, заламывая руки, а вельможный гонец деловито переворачивал тела, разбросанные по плитам площади, разглядывая раны и всматриваясь в лица. Он первым и заметил их, остановившихся под сенью обелиска в честь победы в Лахре.

– Эй, вы! – он махнул жезлом, призывая. Голос его звучал гневливо и раздражённо. – Приблизьтесь, чтобы я видел ваши лица! Властью фараона, да будет он здоров и благословен, и славного наместника нома приказываю: доложите гонцу наместника Собехнеферкаптаху, что случилось в несчастном Шедете? Кто убил всех этих людей? Пустынные собаки? Львы? Кочевники? Где нападавшие? Кто ещё жив? Говори-

те!

Он принял горделивую позу, выставив ногу вперёд и, ожидая доклада, покосился на бехе, который Амено держал в руках.

Выступил Хори – младший жрец всё-таки был старше в глазах богов, чем ученик писца и бестолковый карлик. Гнусава и сбиваясь, он начал рассказывать, что во время вечерней службы в Храм ворвались чудовища числом в десятки, учинив побоище и погубив Верховного жреца, священников и стражу и множество священных крокодилов...

– Замолчи, – велел Себехнеферкаптах, и ткнул жезлом в сторону Амено. – Говори ты! Что произошло?

– Ушебти Сехмет, – сказал Амено. – Колдовство. Ночью они убили всех и спрятались в песке. Я видел. Я укрылся в тростниках. Чародей ещё где-то здесь, и с темнотой он вернётся.

Лицо вельможи посерело от страха. Он отцепил свиток, примотанный к поясу и сунул папирус Хори.

– Бери! Здесь сказано, что фараон Нектанеб, благословенно его имя, третьего дня скончался в *Уассете*. На трон восходит его пасынок, светлейший Пентаур, да будет он вечно здоров и благословен! Найди того, кто уцелел из властей, отдай ему свиток!

Он подтолкнул возницу и забрался в колесницу.

– А мы уезжаем, путь до Каср Каруна недалек. Дела службы не позволяют мне оставаться здесь ни на четверть

часа!

Колёса загрохотали по плитам, и колесница, объезжая трупы, быстро набрала ход и скрылась за домами. Стоящий в ней Себехнеферкаптах делал охранные жесты от злого колдовства.

– Дай! – Амено выхватил у Хори папирус. – Из властей тут уцелели только мы!

Он развернул свиток, вчитываясь в знаки церемониального письма.

– Что там? – дернул его за повязку Панесхи.

Уважение к написанному слову боролось в сердце Амено с желанием сказать правду. И сегодня, в кои-то веки, можно было не бояться лишних ушей.

– Царица Тейе наконец извела мужа, – ответил он. – И посадила на трон своего сына Пентаура.

Хори и Панесхи в ужасе зажмурились и закрыли уши ладонями. За недозволенные речи – битьё палками и позорная смерть!

– Слушайте! – рявкнул Амено. – Это война богов! Шедет – ближайший к Реке город Крокодила! Потом они пойдут в Ком Омбо и Хавару! Вы хотите, чтобы культ великого Себека был поруган и забыт?

Вслух никто, конечно, не говорил, но из шёпотов и обрывков слухов давно уже было известно, что фараон отвернулся от жрецов Себека, решив, что бог-кормилец отвернулся от Та-Кемет. Три года скудных разливов, высота которых упа-

ла с шестнадцати локтей до полутора в этом году, поставили страну на грань голода. Наместник уже в открытую высказывал своё недовольство жрецам Храма в Шедете, не умеющим ублажить Себека для щедрого разлива.

Ниже по течению, в городах Дельты в сезон засухи вспыхнула чума, и силу набрали жрецы-лекари Сехмет, танцующей на крови. Царица Тейе была из *Иунета Та Нечерет*, города богини Хатхор, чьей тёмной ипостасью выступала Сехмет. Лекари остановили эпидемию и свели в могилу фараона. Только в прошлом году в столице во славу Сехмет возвели больше семисот статуй.

А теперь Львица решила повергнуть соперников в прах.

– Мы нежеланные гости! – уже спокойнее сказал Амено. – Нас могут принять где-нибудь, но слуги царицы удушат нас по одиночке, потому что мы видели, что случилось в Шедете. Это не был гнев богини, это была подлая и коварная резня, и незачем оставлять нас в живых. Даже молчаливые, мы станем предметом обсуждения и слухов. Мы должны будем исчезнуть.

Хори отнял ладони от ушей и недоверчиво посмотрел на Амено.

– И что же нам делать?

– Не зря я взял свитки, – юноша потряс холщовой сумой с храмовыми папирусами. – Идёмте на пристань, как я говорил. Нам нужна тростниковая лодка. Слуги Себека не тронут тех, кто путешествует по Реке в лодке из стеблей папируса.

У пристани, конечно, сгорело всё, но рыбацьи лодки нашлись ниже по течению, спрятанные в камышах. Амено отправил карлика за едой и питьём, а они с Хори тем временем выволокли лёгкую лодку на берег и перетащили её к бывшей пристани – оттуда почти не имеющим навыков плавания по реке служителям храма легче было спустить её на воду, чем пробираться по извилистым протокам в камышах.

– Мы поплывём на закат, и откроем Врата, – сказал Амено, когда они сели передохнуть, отдуваясь.

Хори испугался.

– Почему, ты думаешь, Ремнемнатх не проводил ритуал Врат? Жалкий ученик писаря, ты думаешь, Верховный жрец был глупее тебя?

Амено в ярости схватил беке и сильно стукнул Хори по спине. Только жёсткостью можно добиться послушания – так учили в Доме жизни. И лишь Амено здесь знал, что делать.

– Не перечь мне, глупец! Нам некуда плыть – везде нас ждёт только смерть! Я не безумец, а Ремнемнатх не знал многого. Не знал про смерть фараона, не знал про подлость Тейе, да будет проклято её имя! Мы откроем Врата и вознесём Себеку жертву, чтобы он даровал разлив. Большой разлив, которого Та-Кемет не знал уже много лет. Жрецы боялись непредсказуемости Себека, который в щедрости своей мог смыть водами реки прибрежные города и деревни, превратив разлив в бедствие. Нам же бояться нечего. Нам уже нечего бояться!

– И какую жертву ты вознесёшь? – гнусаво протянул Хори, пока ещё не соглашаясь с планом Амено.

Глаза юноши вспыхнули.

– У нас есть Панесхи, – тихо сказал он. – И, если будет надо, мы возьмём в лодку ещё два трупа.

– Это кощунство! – закричал Хори, отшатнувшись.

– Кощунство – позволить городам Себека исчезнуть из памяти, будто их и не было! – зло крикнул Амено в ответ. – Выбирай, какое святотатство для тебя страшнее! Малые жертвы, или ещё большая резня? Жестокость ради жизни! Думаешь, мне нравится то, что мы должны сделать?

Они посидели молча, насупясь.

– Ты не херихеб, – нерешительно сказал, наконец, Хори. – Ты не сведущ в магических свитках и обрядах.

Амено засмеялся.

– А кто нас учил в Доме жизни, по-твоему, дурень? Не херихебы, что ли?

– Жрецы много лет постигают науку магии и призыва богов, – сказал Хори, чтобы хоть какое-то последнее слово осталось за ним.

– А я её постигаю всю жизнь, – отрезал Амено. – Все мои четырнадцать половодий.

Панесхи вернулся с лепёшками, пивом и мёдом. На поясе у него болталась связка чеснока – от злых духов. Следом шли женщины – две молодых девушки и одна постарше. *Хебсут*, наложницы кого-то из вельмож, решил Амено. Они

уже сбрили брови в знак траура и облачились в одежды цвета голубого лотоса.

– О, достойные, – обратилась к ним старшая. – Мы не знаем, что нам делать в Шедете, ставшем городом мёртвых. Мы боимся, что ночью снова придут львицы и убьют нас.

С принятым решением Амено стало проще. Теперь ему уже не надо было спасать этих женщин. Теперь он должен был спасти весь Та-Кемет, всю Чёрную землю. Он встал и ухватил ближнюю к нему девушку за руку, заставив сесть.

– Да, – согласился он. – Они придут и убьют вас. Ступайте в камыши, там есть ещё лодки. Возьмите одну и переправьтесь на тот берег до темноты. Тогда вы, быть может, спасётесь.

– Мы не умеем, – и все женщины разом заплакали.

– Убирайтесь, если хотите жить! – прикрикнул на них Амено. Он схватил бехе и сделал угрожающий жест в их сторону. – Пошли вон!

Сидящая у его ног девушка сделала попытку подняться.

– А ты куда? – рявкнул Амено, входя во вкус. Писец – главный! – Ты поплывёшь с нами!

– Я Шепсет, наложница вельможи Кахира, – пробормотала та. – Если вы сделаете мне зло, стражники дадут вам по пятьдесят палок...

– Заткнись!

Ожесточив сердце, Амено размахнулся и перетянул её по губам своим бехе. После этого до самой смерти Шепсет не

произнесла ни слова.

– Бехе и доброе слово лучше, чем просто бехе, – мрачно пошутил Хори.

Панесхи грыз лепёшки и, казалось, не обращал на происходящее никакого внимания. День за трудами и тревогами пролетел быстро, как сокол Хора по полуденному небосводу.

Юноши омылись от дневных грязи и пота речной водой, после чего Амено истолок чеснок на камне, размешал его с пивом и щедро обрызгал лодку и всех, кто должен был плыть в ней с ним – от всего нечистого, чтоб не коснулось. Хори поморщился, а Шепсет гордо вскинула голову, облизав кровь с разбитых губ. Мокрая льняная ткань облепила её тело, обрисовав контур груди и впадину между ног.

Солнце начало клониться к закату и Амено снова услышал крик цапли, кружащей в небе над ними.

– Все в лодку! – скомандовал он. – Да будет милостив Себек к нам, недостойным, но чистым помыслами, отправляющимся по Реке на лодке заката!

Цапля в небе опять крикнула, словно провожая их в путь.

Карлик Панесхи устроился на носу, Шепсет угрюмо сидела на корме, а Амено с Хори, неуклюже орудуя вёслами, вывели лодку на середину Реки. Шириной она здесь достигала более половины *итеру* – полутора тысяч локтей. Быстро стемнело.

Серебряный диск *Осириса-Ях* поднялся из-за дюн, осветив спрятавшиеся в сумерках берега, и из песка вверх под-

нялись тёмные огромные фигуры. Рыча и мяукая, они бежали по берегу вслед за лодкой, которая медленно плыла против течения. Одна фигура поменьше остановилась, вскинула вверх руки, и Амено вдруг услышал свист стрелы, пущенной из лука. Она не долетела до них локтей пятьдесят и булькнула, уйдя в воду.

– Пора, – сказал ученик писца. – Здесь стрелы нас не достанут.

Из холщовой сумы с крокодилом они с Хори достали каждый по свитку. Свет ночного лика Осириса позволял легко читать знаки и символы ритуала, который так и не решились провести жрецы Храма, но собирались выполнить два полных наглости и самомнения мальчишки. Несмотря на всю кажущуюся решимость, Амено чувствовал себя именно так.

– Сначала я буду сказывать змеям, – остановил он готового читать со своего свитка Хори, встал и призвал *Кебхут*, змееголовую дочь Анубиса, богиню чистой воды. Пусть же Кебхут поднесёт чистой воды их душам, если труден будет их путь в *Дуат*, Дом мёртвых, подземный мир.

И призвал *Мерит-Сегер*, богиню-змею, покровительницу некрополей, прося у неё спасительной слепоты при плавании через *Именет*, закатный придел Ада, дабы не лицезреть демонов и духов, способных свести с ума одним своим видом.

И просил защиты у змея *Мехен-Та*, охраняющего ладью Ра во время её ночного плавания через Дуат. Пусть Великий змей, если сможет, хотя бы одним глазком присмотрит за ни-

ми, слабыми и беззащитными во время пути на закат.

И обратился к змею *Анопу*, вечному врагу Ра и дневно-го света: если будет на то его воля, отвлечь ненадолго Басткошку, дочь Ра и его помощницу в борьбе с Апопом, дабы плывущие на лодке заката не предстали пред её безжалостными очами в миг слабости и беззащитности.

Взбурлила вода перед лодкой во тьме, сонм речных змей поднял головы из воды и Амено повернулся и толкнул Панесхи в спину. Карлик упал в воду с тихим вскриком, лишь всплеснув короткими руками. Воды сомкнулись, унося его под лодку. Амено понял, что змеи приняли жертву, и спросил Осириса о преображении неупокоенной души Панесхи в змею Сата, ибо печальна посмертная участь непогребённых, а гнев богов падёт и на убийцу:

– Да станет Панесхи змеей Сата, чьи годы нескончаемы.

Да ляжет он мёртв.

Да родится он ежедневно.

Он змея Сата, обитатель крайних частей земли.

Он лежит мёртв, он рождён.

Он обновляется, он поновляет свою юность каждый день.

Услышал ли Осирис Ани его молитву, нет ли, но Амено сел в лодку и сердце его было тяжело.

Хори, младший жрец, во все глаза смотрел на Амено, ученика писца, самого молодого и, возможно, уже самого могущественного чародея в Шедете, а тот жалел лишь об одном –

что век его чародейства и магической силы может оказаться так недолог.

Затем они развернули свитки и открыли Врата.

Мерит-Сегер даровала их благодатной слепотой, и юноши почувствовали, как лодка заскользила всё быстрее в темноте, надеясь, что Себек охранит и сбережёт их от всякого зла, отпугнёт злых духов, и сами делая защитные знаки растопыренными пальцами-«рогами» наугад, смотря только, чтоб рука ненароком не оказалась за бортом лодки.

Посланники Сехмет: духи и демоны с раскаленными ножами и факелами вместо лиц тянулись к ним снизу. Они не видели их, но знали, что они тут. Дух-кровопийца, приходящий из бойни, ужасно кричал и пытался выхватить их из лодки заката, но Мехен-Та оберегал их. Демон, поедающий кал позади себя, нёсся впереди и сверху, пытаясь обгадить путников, но Кебхут укрыла лодку пологом чистой воды. Демоны с ликом ужасным, не боящиеся ни богов, ни богинь, сама *Амемит-демоница*, поедающая сердца нечестивых на суде – не смогли достать их.

Но Повёрнутый назад ликом, приходящий из бездны, смог запустить волосатую лапу, воняющую горелым мясом и шерстью, в самую середину лодки, и тогда Амено толкнул в его пальцы Шепсет, принося вторую необходимую жертву и обрекая её на смерть даже более страшную, чем от лап ушебти Сехмет.

Вскричал он, вопрошая Осириса о преображении её души

в лотос, ибо иначе будут её **ба, ка, ах** и другие души вечно скитаться в душной, режущей тьме:

– Слава тебе, Лотос, ты прообраз бога Нафр-Тума!

Я человек, который знает твои имена.

Я знаю твои имена среди богов, господ Харт-Нитр.

Я единственный среди вас.

Даруйте Шенсет, чтобы она могла видеть богов, которые суть проводники Дуата.

Даруйте ей сиденье в Харт-Нитр, рядом с владыками Заката.

Предпишите ей обиталище в Священной земле Тасарт.

Примите её в присутствии Повелителей Вечности.

Пусть её душа выступит в любое место, которое ей понравится.

Пусть она не будет отброшена в присутствии Великого сонма Богов!

Опять сел Амено, и вдвое тяжелее было на его сердце.

Но пелена уже пала с их глаз и юноши поняли, что прошли через Врата.

Лодка скользила по воде, гладкой, словно обсидиан под небом цвета свинца. Они уже не гребли против, а плыли по течению. Амено начал править к левому берегу, и вслед за ним и Хори взялся за весло.

Берега были не песчаными – наоборот, они были покрыты слоем чёрной грязи, в которой копошились тёмные фигуры. На берегах через равные промежутки высились колоссы из

серого камня – сидящие на тронах цари с головами крокодила, а впереди над Рекой поднимались гигантские столпы с коническими вершинами. Никакой растительности вдоль берегов не было видно.

Говаривали, что Баст и Сехмет тысячу лет назад пришли со звезды *Сепедет*, встающей перед разливом над горизонтом вслед за созвездием *Сах*, небесным Осирисом. Про звезду Сепедет в *книге Бенен* сказано: «*Четырнадцать звёзд позади неё, четырнадцать звёзд впереди неё... Но двадцать девять их, созданий этих, что существуют и творят в небесах, двадцать девять звёзд в этой широте небесной. Одна умирает и другая живёт в каждые десять дней*».

Ночное небо над Шедетом сияет звёздами, диском Осириса-Ях, *Молочной дорогой* пролившегося из сосцов небесной коровы Нут молока. И даже враждебные Себеку Баст и Сехмет выкормлены молоком из сосцов матерей и почитают священных быков Та-Кемет, и богиня Хатхор, милостивая и благая, с её коровьими рогами есть благая ипостась Сехмет.

В этой же земле непонятно было, ночь сейчас или день. Небо было то ли затянуто тучами, то ли всегда было таким. Амено видел теперь, что тёмные фигуры на берегах – это стоящие на задних лапах крокодилы в два человеческих роста с короткой пастью, похожие больше на Анубиса, чем на Себека. Он перестал грести к берегу. Накатила волна удушающего смрада.

Рептилии тоже увидели лодку. Они молча переглядыва-

лись, потом некоторые из них проворно полезли вверх по склонам, и на каждом берегу ящерицы поменьше быстро побежали в разные стороны на задних лапах. Грязь комками разлеталась из-под их когтей.

Волна смрада схлынула, позволив сжавшейся груди Амено вновь вздохнуть свободно. Откуда исходила эта вонь – с высокого берега? Он понял, что не хочет этого знать.

– Давай закончим обряд, – сказал он странно застывшему Хори. Тот кивнул, разворачивая свиток, свернувшийся, пока он разглядывал крокодилов на берегу.

Гнусавый голос Хори дрожал, как решил Амено – от волнения, пока они выговаривали последние слова ритуала, призывающего помощь Себека. С последним звуком, слетевшим с их губ, на берегах грянули барабаны.

Никто из крокодилов, бывших на склонах, не спустился в воду. Они все уже вылезли на гребень, где неуклюже отплясывали под оглушающий грохот, доносившийся, казалось, сразу отовсюду. Вдруг опять накатила волна отвратительной вони, забивая нос, и предчувствие, что они делают что-то не то, затрепыхалось внутри Амено тревожной птицей.

– Уплываем, – крикнул он, и его голос потонул в грохоте, но Хори услышал. Рот младшего жреца растянулся в улыбке, с губы потянулась вниз нитка слюны. Амено только сейчас увидел, что в тускло-сером свете этой земли они оба выглядят словно два трупа.

– Глупец! – закричал Хори. Всякая гнусавость пропала,

теперь голос его звучал по-детски звонко и пронзительно. – Куда ты поплывёшь? Мы видим то, что никто не видел тысячи лет! Кошка Баст пришла со звезды: разве сможет она привести с собой войско? Нет, ей нужны чародеи, ушебти и коварство! А здесь – погляди! Себек дарует нам могучих бойцов, и тысячи их, его слуг! Мы поведём их в Та-Кемет и воля Себека воцарится навек! Мы победим в войне богов! Мы сметём всех! Куда ты собрался уплывать? Гребём к берегу! Я буду говорить с ними!

Но глуп был мальчишка-Хори, возомнивший, что это он будет приказывать богу Себеку. Да и Себеку ли? Амено уже не был уверен в этом, ведь и жрецы не зря не открывали Врата этой земли даже в самую тяжелую годину.

Были ли здесь кто-то выкормлен молоком матери? Или лучшие лакомства здешних берегов вызревали на полях падали, скрытых чёрными высокими гребнями, где из кожистых яиц вылуплялись зубастые воины местного бога?

На ладье Ра с ним плывут Сиа-Разум, Хека-Магия и Мат-Справедливость. И крокодил, двигаясь по бесшумному пути, справедливо правит делами смертных. Он недаром пользуется почётом – ведь его называют подобием бога потому, что только у него одного нет языка, а божественное слово не нуждается в звуке. И говорят, что у обитателей воды только у него одного глаза прикрывает нежная и прозрачная плёнка, спускающаяся со лба, так что он видит, будучи невидимым, а это свойство присуще Первому богу. И где самка

крокодила откладывает яйца, там она отмечает предел разлива Реки. Ибо откладывать в воде они не могут, далеко от воды – боятся, но так прочно предугадывают будущее, что, принося и обогревая яйца, они пользуются подъёмом реки и сохраняют их сухими и неподмоченными.

Моргнув прозрачной плёнкой, Амено увидел Хори во главе полчищ, исходящих из земель, не знающих молока и тёплого мяса, и горячей крови, и живородящих существ. Легионы любителей падали, пожирающих Та-Кемет в тысячу раз быстрее, чем саранча, в тысячу раз злее и ужаснее, чем самая рассерженная Сехмет.

Вгрызающихся в утробы матерей, где их ждёт самое главное и самое нежное лакомство...

От жуткой вони и картин, мелькнувших перед глазами, Амено вырвало прямо в лодку. Он выронил бехе в воду. На лице Хори отразились презрение, смешанное с отвращением.

– Уплываем! – снова заорал Амено, но тут Хори выхватил из-под набедренной повязки нож из чёрного стекла и бросился на него. Как вероломный пожиратель комеди из Нубии, он ждал удобного момента, чтобы сделать свой ход и выиграть всё. Теперь Амено стоял у него на пути.

Ученик писца отшатнулся и барабаны на берегах стихли в тот же миг, ожидая, кто одержит верх. Бог этих мест смотрел на них с серых небес, и только сейчас Амено понял, что огромные конические столпы впереди – это зубы исполин-

ской крокодилей пасти.

Хори махнул ножом, сделал шаг и поскользнулся на полупереваренных кусках лепёшки с мёдом и пивом, исторгнутых учеником писца на дно лодки. Острое лезвие прошло в двух пальцах от сердца Амено и младший жрец вывалился за борт, войдя в чёрную гладкую воду, как в масло. Он исчез мгновенно и воду не потревожила ни рябь, ни волна.

В тот же миг барабаны грянули вновь, и толпы короткомордых крокодилов посыпались вниз с берега, в Реку, и Амено увидел, что к нему над водой стремятся сотни серых голов с немигающими чёрными угольками глаз.

Он плюхнулся на дно лодки, схватил весло и лихорадочными взмахами вернул лодку на стремнину, слыша нарастающий шум воды позади, чувствуя голой спиной ветер, сопровождающий исторгнутый из пасти бога-крокодила поток.

– Бог-крокодил Себек, – запел он, – что обитает посреди ужаса перед ним!

Ты Себек, и ты хватаешь свою жертву подобно хищному зверю.

Ты великая рыба, которая есть в Ком Омбо.

Ты Господин, которому совершают поклоны и простирания ниц в Хаваре и Лабиринте!

Прими душу Хори, позволь ему переродиться.

И Осирис Ани – господин, кому поклоны и простирания ниц совершаются в Хаваре.

Смотрите, Хори – обитатель в его страхах, он крокодил,

его первенец.

Он приносит добычу издалека.

Он – Рыба Хора, Великий в Ком Омбо.

Он господин поклонений в Хаваре!

Даже вероломный ученик жреца не заслуживал быть забытым пред ликами великих, без права на перерождение, и Амено знал это.

Поток нёс его через Именет, но духи и демоны не тронули лодку, потому что за ним шёл Крокодил. Поток выплеснулся на берега Та-Кемет, орошая их плодородным илом на двадцать локтей ввысь, и с рёвом понёсся по руслу, накрыв погибший Шедет и похоронив его жителей, не дав им стать добычей пустынных собак и шакалов. Он похоронил и чародея с его ушебти – глубоко на дне Реки, откуда исчадия тьмы уже никогда не смогут вредить людям. Храм в Харге с его тайными подвалами оказался залит грязью до самой крыши, и никто из выносивших подлый замысел жрецов так и не был найден. К утру водяной вал достиг Дельты и смыл Уассет, в котором нечестивцы праздновали восхождение нового фараона на трон, увеселяя себя вином, плясками и рабынями на богатых барках и ладьях из падуба и ливанского кедра. Их трупы вылавливали из Реки до конца сезона урожая.

А ученик писца обернулся и увидел в водах, которые Себек даровал в ответ на жертву, головы тысяч и тысяч воинов, спешивших выбраться на тучные пажити, пока не закрылись Врата, и глаза их смотрели прямо ему в сердце, и глаза эти

снедал голод, более страшный, чем любое наводнение или чума.

Он поднял голову и узрел над собой лик Осириса-Ях и Молочную дорогу небесной коровы Нут, щедро питающей детей своих, и звезду Сепедет, обитель кошек, полных коварства, взирающую на него, словно зелёные бесстрастные глаза со зрачками, похожими на поставленное на конец веретено.

Все жертвы были принесены, но чтоб закрыть Врата, требовалась ещё одна.

И Амено произнёс:

– Видит Осирис Ани, я убивал, но не по злomu умыслу и не с ненавистью.

Головы серых крокодилов приближались, и стук барабанов чужого мира уже почти достиг ушей жителей Та-Кемет, и тогда плодородные земли навсегда превратились бы в поля падали с витающим над ними невыносимым духом разложения.

– Я цапля Бену, – сказал Амено слова последней своей песни преобразования.

– Я господин зверей, приносимых в жертву, и господин ножей, которые содержатся у их голов и их бород; те, кто обитает в их изумрудных полях, Древние боги и Духи-души, готовы теперь для Осириса Ани, чьё слово – истина в мире.

Он совершает резню на земле, и я совершаю резню на земле.

Я силен.

Я следую в небесные высоты.

Я сделал себя ритуально чистым.

Я иду длинными шагами к моему граду.

Я стал владельцем земли там.

Я приближаюсь к Сету в городе Обелисков.

Я расставил богов по их дорогам.

*Я сделал роскошными дома и города тех, кто находится
в их святилищах.*

Мне ведом поток богини Нут.

*Боги скажут, когда они услышат обо мне: Откройте ва-
ши лица.*

Его приход ко мне есть свет, которого вы не знаете.

Времена и сезоны – в моём теле.

Я не говорю лжи в месте истины.

*Ночью я плыву вверх по реке, чтобы справить праздни-
ство мёртвого, обнять Древнего Бога и охранить землю.*

Я, Осирис Ани, чьё слово – истина.

И легко стало на сердце его.

*Речной крокодил толкнул лодку, Амено покачнулся и
шагнул в воду. Крепкие зубы в длинной пасти перекусили
его тело, оборвав земной путь навсегда, и Себек земли Та-
Кемет принял жертву. Крокодил нырнул, загребая мощными
лапами с когтями, будто ножи из чёрного стекла.*

Бог закрыл Врата.

*Вздрогнул голубой лотос, прекрасный, словно юная дева
в расцвете своей красоты.*

Скользнула вдоль берега речная змейка с жёлтой головкой и полоской вдоль тела, похожей на заплетённую косицу.

Задул холодный ветер, напоминая звуком своим погребальную флейту.

И заплакала над Рекой летящая цапля, чей клюв остёр, будто стило лучшего в мире писца.